
КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОХРАНЕНИИ ЭТНОСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

МХИТАРЯН Г. Ж.

Всегда, когда встает вопрос о взаимоотношениях Российского государства и Кавказа, в первую очередь говорится о русской колонизации региона. Сразу надо заметить, что Российская империя никогда не являлась классической колониальной державой. Россия не имела заморских колоний в отличие от своих западных партнеров. Для государств Европы колонии играли важнейшую роль в качестве источника сырья, экономических ресурсов, дешевой рабочей силы, являясь необходимым рынком сбыта промышленных товаров. Колониальная политика Российского государства не носила экономического характера, так как в первую очередь была нацелена на геополитическую экспансию. Евразийское начало России заставляло ее постоянно расширяться в разных направлениях, в том числе и южном. Отсутствие “естественных границ” на юге заставляло Российское государство все глубже продвигаться на Кавказе, решая тем самым проблемы безопасности. Вообще, говоря о “колонизаторской” политике России на Кавказе, следует вспомнить, что начиная с древней Руси восточноевропейское население этого края в силу своих географических особенностей имело “навыки” адаптации к разным этносам. Сношения русских с народами, обитавшими на Кавказе, восходят к незапамятным временам. В столице Хазарии имелись слободы русских купцов, занимавшихся торговлей с Азией. Арабские источники повествуют о грабительских походах русских в южные и юго-восточные районы Каспийского моря. А грузинская царица Тамара была замужем за сыном Андрея Боголюбского¹. В начале XIX в. Кавказ не пользовался популярностью у российского общества. Рассказы о кавказских горах в петербургских светских салонах носили экзотический характер. Военное назначение на Кавказ не было популярным, скорей всего туда отправляли второстепенных генералов. Сам император Александр называл Кавказ теплой Си-

¹ Белокуров С. А., *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива М - а иностранных дел С. А. Белокуровым. Вып. 1, 1579-1613 гг., М., 1889, с. 3; Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, Тифлис, 1907, с. 1.*

бирью. И как справедливо писал в своих воспоминаниях А. М. Дондуков-Корсаков, для большей части русского общества Кавказ оставался “terra incognita”².

Изменение кавказской политики Российской империи в первой половине XIX в. отразилось на формальных отношениях с народами Северного Кавказа, приведя к установлению реального военно-административного контроля. Победоносные войны России с Турцией и Ираном уже во второй четверти XIX в. способствовали ее укреплению в Закавказье. В 30-ых годах XIX в. в политическую лексику Российского государства входят термины “покорные”, “полупокорные” и “непокорные” народы (причем термины эти характеризовали кавказских горцев). Периодически составлялись ведомости, записки и сведения о политическом состоянии горских народов³. В 40-ых годах центр тяжести кавказской политики России с северо-запада переносится на северо-восточные районы Кавказа. Чеченский вопрос для Российской государственности в первой половине XIX в. являл собой комплексную проблему цивилизационного характера. Замкнутому образу жизни вольных как волк (так чеченцы говорили о себе) кавказских горцев были чужды законы государства. В конечном итоге они покорились силе русского оружия, но не признали нравственного превосходства над собой. Выступая сторонником мирного покорения Кавказа, император Николай Павлович указывал, что целью Российского государства в регионе является “приобретение границ безопасных со стороны азиатских соседей, а вместе с тем ... средство к большему развитию народной торговли и промышленности”, т. е. единение Кавказа с центром (объединение страны)⁴. Это доказательство того, что уже с конца первой четверти XIX в. Россия на Кавказе не руководствовалась принципом великих держав – разделяй и властвуй. Подобный подход к кавказской проблеме сохранялся до ее покорения русским оружием (в XVIII в.), а теперь военно-политические, социально-экономические потребности государства требовали полного слияния всех ее частей в одно целое. Примечательно, что идея мирного покорения Кавказа была ведущей для всех правителей Российской империи. Так, приставу уже

² *Осада Кавказа: воспоминания участников Кавказской войны XIX века (Сост. и подгот. Яков Гордин), СПб., 2000, с. 409.*

³ *См: Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века, М., 1959.*

⁴ **Зиссерман А.**, *История 80-го пехотного Кабардинского полка генерал-фельдмаршала Барятинского, 1726-1880, т. 2, СПб., 1881, с. 25.*

пленного имама Шамиля поручалось тайно вести дневник с записями о нравах и обычаях, торговле и образе правления некогда подвластных ему горских народов. По истечении каждого месяца дневник должен был быть представлен дежурному генералу Главного штаба его императорского величества⁵. До начала 60-ых годов XIX в. Россия старалась минимизировать свое вмешательство во внутренние дела на Северном Кавказе. Существование казачьих поселений в регионе играло важную роль в экономическом проникновении и утверждении России на Кавказе.

Закавказская политика России сводилась к сохранению внутреннего устройства ханств. Положение почти не изменилось и с учреждением здесь губерний. Создание в 1845 г. Кавказского наместничества сводилось к установлению особой формы правления Кавказом, с максимальным учетом региональной специфики. В этом своенравном государстве в государстве важнейшие вопросы по административно-территориальному делению, управлению народами и социально-экономическому развитию края наместник представлял на рассмотрение и утверждение председателя Кавказского комитета. Россия всегда по-особенному относилась к Закавказью, расценивая его значение для своих военно-политических, экономических и социально-культурных интересов в качестве “русского Эльдорадо”⁶.

Рассматривая кавказскую политику России на протяжении длительного периода в свете вопроса “присоединение” или “завоевание”, остановимся на понятии некой геополитической взаимной “гравитации”. Сложные российско-кавказские отношения протекали зигзагообразно и знали все: ненависть и приязнь, подозрительность и доверие, полное понимание и наоборот. Кавказ был самым чувствительным регионом для Российской государственности и весьма примечательны слова К. К. Бенкендорфа о том, что “... в этом крае десять успехов не окупят последствий одной ничтожной неудачи”⁷. По сути кавказский регион остается “сложным” и в наши дни. Словом, во взаимоотношениях имелись пробы и ошибки, которые не мешали Кавказу во время всеобщего хаоса 1917-1921 гг. вновь вернуться в лоно взаимоотно-

⁵ *Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века, Махачкала. 1959, с. 682.*

⁶ *Эльде, Закавказье и единая Россия., Ростов -на -Дону, 1919, с. 22.*

⁷ *Осада Кавказа: воспоминания участников Кавказской войны XIX века, с. 333.*

нимания и взаимопомощи, функционируя в качестве единого организма.

Таким образом, реализация военно-политических интересов Российской государственности на Кавказе в целом способствовала вовлечению этого специфически сложного региона в орбиту российской внешней и внутренней политики начиная с XVI в. и до наших дней. Трудно сказать, что было бы лучше для самих народов Кавказа – остаться с Ираном, Турцией или вступить в состав Российской империи. Дело в том, что “проклятием” для региона была неспособность самому решать проблемы собственной безопасности и нужно было выбирать между азиатским, “южным” (Иран, Турция) и “северным” (российским) путем дальнейшего развития.

Для того, чтобы понять возможный путь развития Кавказа в геополитическом ареале “южного” направления, необходимо изучить его структуру. Изначально в основе турецкого государства лежали импульсы турецкой геополитики. В древнейших пластах тюркского этногенеза имелись три взаимосвязанных фрагмента, позволивших туркам создать гигантскую империю. С точки зрения геополитики, тюркские племена – степные кочевники – являлись носителями континентального начала. На просторах Евразии они сложились в тюркский этнос. Таким образом, турки несли в себе зачатки кочевой империи, что позволило им взять под свой контроль пастбища и оседлые районы с миролюбивыми народами. Следующей составляющей турецкого этногенеза выступает собственно османская геополитика. Османская империя создала некий геополитический симбиоз ислама и многовековой геополитики Средиземноморья и стран Ближнего Востока. Именно туркам удалось объединить сложный геополитический регион извечной борьбы “суши” и “моря”, установив над ними евразийский контроль. В этом общеимперском котле османы с особой жестокостью сплавляли другие народы в единую нацию – османлы. Следовательно, даже единоверные народы Северного Кавказа, особенно в период их самовольного переселения в Османскую империю в 50-70-ых годах XIX в. (т. н. махаджирское движение), не могли достичь ожидаемых результатов. Отметим, что создав огромную империю, османы впитали в себя геополитические тенденции покоренных ими цивилизаций. Для подтверждения сказанного следует обратиться и к третьему этапу геополитической истории Турции (современному, национальному). Огромная территория заставила геополитиче-

ский импульс управленческого ядра османской империи сжаться до размеров компактного национального государства. При создании модели государства-нации все административные рычаги управления переходили в руки турецкого этноса, и вопрос о малых народах встал уже в новом свете. Геополитической задачей Турции стал отказ от лидерства в исламском мире (множество исламских и арабских стран были отделены от турецкой империи на основе национальной политики этих народов). До первой половины XX в. Турция искала поддержки у Германии, а после Второй мировой войны примкнула к НАТО. Таким образом, турецкое государство отказалось от большой и активной (континентальной) геополитики в пользу малой, но прагматичной. Внешняя политика современной Турции являет собой идею объединения всех туркоязычных народов от Марокко до Китая (включая территории государств Южного и Северного Кавказа до Поволжья). Известно, что Южный Кавказ играет роль естественного моста (и барьера одновременно) для распространения идей пантюркизма. Кстати, большую часть своих военных arsenалов Анкара сосредоточила на турецко-закавказской границе. Современная Турция активно пользуется “удобными” географическими данными (здесь сходятся военно-политические и экономические узлы безопасности большей части земного шара) в реализации достаточно независимой внешнеэкономической политики. Подобный подход устраивает Запад для “сдерживания” российского геополитического влияния на постсоветском пространстве, особенно на Южном Кавказе.

Неблагоприятным было положение закавказских народов и в ареале иранской геополитики. Исламская революция 1979 г. в Иране оказала значительное влияние на характер и содержание сути военно-политических интересов Российского государства. В 80-ых гг. Советский Союз был единственной сдерживающей силой исламской экспансии Ирана и политического экстремизма Ирака. Являясь чувствительной зоной, Закавказье оказалось под воздействием исламского фундаментализма. Легитимизация этого явления в сопредельном с СССР регионе стала реальной военной угрозой ее государственной безопасности. Исламский Иран стал претендовать на роль третьего центра силы в биполярном мире. Вынашивая идею создания “Великого Турана”, Иран рассчитывал на включение в его состав мусульманских народов Советского государства (Северный Кавказ). Самому сильному воздействию подвергся мусульманский Азербайджан,

где

прожи-

вает лишь малая часть иранских азербайджанцев и где религиозный экстремизм породил скрытые зачатки национализма, чувство “разделенного народа”. В Закавказье позиции центральной власти Советского государства были слабее, что сыграло на руку Ирану. По существу, Закавказье явилось катализатором распада СССР, и ныне это зона высоких рисков, нуждающаяся в обеспечении региональной безопасности.

С установлением отношений с Кавказом Российское государство стало применять невоенные методы проникновения в регион, опираясь на опыт взаимной адаптации. В отличие от Северного Кавказа Южный был более “предсказуем” для России. Непосредственным результатом кавказской политики России XIX-начала XX вв. явилось сохранение этноструктуры региона, культуры и самобытности народов Кавказа (Северного и Южного). Существование современных независимых государств (на Южном Кавказе) и государственных учреждений (на Северном Кавказе) обусловлено реализацией российской военной политики на Кавказе. В силу российской кавказской политики XIX-начала XX вв. зарождались ростки национального самосознания кавказских народов (Южный Кавказ). Имперская идентичность нерусского населения играла роль своего рода защитной оболочки, панциря для развития “национализма” в Закавказье. Что же касается народов Северного Кавказа, то в Кавказской войне имело место трагическое столкновение двух разных цивилизаций, разных культур, где имперская активно “атаковала” патриархально-родовую. Известно, что в Кавказской войне горцы “проиграли” свое прошлое, но обрели будущее. Кавказ для Российской империи был труднейшим регионом, являвшим собой по народонаселению и языковым группам некую Вавилонскую башню⁸.

Таким образом, анализ исторической практики реализации военно-политических интересов Российского государства на Кавказе свидетельствует о прогрессивном характере российской кавказской политики. Реализация военно-политических интересов Российского государства на Кавказе обеспечивала региону перспективу долгосрочного миропорядка, исключая межнациональные, религиозные конфликты. Ослабление влияния России или ее полный уход из региона (как это имело место после распада СССР) заметно осложнило ситуацию на Кавказе. Отме-

⁸ Алухтия И., *Кавказ и присоединение его земель к России*, СПб., 1903, с. 16.

тим, что геополитическая модель Кавказа и ее специфика на рубеже XX-XXI вв. свидетельствуют о необходимости присутствия России в регионе как единственного гаранта стабильности и региональной безопасности.

**ՏԱՐԱԾԱՇՐՁԱՆԻ ԷԹՆՈՎԱՌՈՒՑՎԱԾՔԻ ՊԱՀՊԱՆՄԱՆ
ՈՒՂՂՈՒԹՅԱՄԲ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ**

ՄԽԻԹԱԼՅԱՆ Գ. Ժ.

Ամփոփում

Ռուսական պետության Կովկասում ունեցած ռազմաքաղաքական շահերի իրագործման պատմական փորձի վերլուծությունը վկայում է նրա կովկասյան քաղաքականության առաջադիմական բնույթի մասին: Ռուսական պետության ռազմաքաղաքական շահերի իրագործումը Կովկասում ապահովում էր տարածաշրջանին խաղաղության երկարաժամկետ հեռանկար, բացառելով ազգային ու կրոնական բախումները: Ռուսաստանի դերի նվազումը կամ նրա հեռանալը տարածաշրջանից զգալիորեն բարդացնում էր իրավիճակը Կովկասում: